

**Житие преподобных матере нашей Марии Египтяны,
списанное святейшим Софронием, патриархом Иерусалимским.
Статья первая.**

Та́йну царёву добро́ хранити, дела́ же Бо́жия открыва́ти и пропове́дати сла́вно, тако́ рече́ Рафа́ил А́нгел к Тови́ту по пресла́вном прозрѣнии ослеплённых его́ очес. Ё́бо ца́рския не хранити та́йны, боя́зненно есть и па́губно, а е́же молча́ти дела́ Бо́жия пресла́вная, ве́лия есть ду́шѣ тщета́. Те́мже и аз (глаго́лет Софрóний святы́й) стра́хом одержи́мь, Божѣ́ственная в молча́нии сокры́ти, воспомина́я претѣ́мую (в Ева́нгелии) беду́ лени́вому рабу́, ѡ́же приѣ́мь от Го́спода тала́нт в зе́млю закопа́, и да́нный де́лания ра́ди сокры́ не де́лая, по́вествь святу́ю до мене́ доше́дшую ника́коже умолчу́. Но никто́же бу́ди неве́рующ пи́шущему, я́же слы́шах, ниже́ да мнит кто дерза́юща мя неистинная писа́ти, сумня́щеся о ве́щи сей вели́кой, не бу́ди мне лга́ти на святы́я. А́ще же бу́дут не́цыи, ѡ́же получи́вше сие́ писа́ние, и пресла́вному сему́ де́лу дивя́щеся неудóбь восхотя́т ве́ровати, и о́ным ми́лостив да бу́дет Госпо́дь, поне́же тѣи не́мощь челове́ческаго помышля́юще естества́, неудóбна бы́ти непщу́ют, я́же о челове́цех пресла́вная глаго́лются. Но уже́ подоба́ет нача́ти по́вествь о ве́щи сей предѣ́вной, бѣ́вшей в ро́де на́шем. Бысть не́кий ста́рец во еди́ном от Палести́нских монастыре́й, жити́я благона́вием и сло́ва благоразу́мием укра́шен, от са́мых пелѣн во ино́ческих по́двизех до́бре наста́влен. Зосѣ́ма же бе ѡ́наго ста́рцу тому́. Ђ́же вся по́двиги по́стническаго жити́я прѡ́йде, и всякое пра́вило преда́нное от соверше́нных ѡ́ноков сохрани́, вся же та творя́ никогда́же поучѣ́ния Божѣ́ственных словѣс пренебреже́, но и возлега́я, и воста́я, и в рукахъ имѣ́я де́лание, и пи́щи вкуша́я, (а́ще досто́ит и пи́щею нареши́, е́яже он ма́ло не́что вкуша́ше) еди́но де́ло имѣ́ немóлчное, и никогда́же преста́ющее, е́же пе́ти Бо́гу всегда́, и поучѣ́ние твори́ти Божѣ́ственных словѣс. От са́маго же младе́нчества вдан бѣ́вши в монасты́рь, до пяти́десяти трехъ летъ в нем до́бре по́стническими труда́ми подвиза́ся. Посѣ́м же смущѣ́н бысть от не́ких помышлѣ́ний, а́ки бы он уже́ во всем был соверше́н, от ины́х наста́вlenia ника́коже тре́буяй, глаго́ля мы́слию в себѣ́: есть ли на земли́ мона́х по́льзовати мя моги́й, ѡ́же пока́жет ми о́браз по́стничества, его́же аз не соде́яхъ? Обря́щется ли в пусты́ни челове́к, превосходя́щ дела́ моя́? Си́це же помышля́ющу ста́рцу, я́вися А́нгел, и рече́: о Зосѣ́мо! до́бре, я́коже бе мо́щно челове́ку, подвиза́лся еси́, до́бре по́стническое течѣ́ние прошѣ́л еси́, о́баче никто́же есть в челове́цех, ѡ́же бы себѣ́ соверше́нна бы́ти показáл. Бо́лий есть по́двиг предлежа́щий от мимоше́дшаго уже́, его́же ты не ве́си, да позна́еши у́бо, коли́ко есть ко спасѣ́нию ины́х путе́й, изы́ди от земли́ твоея́, я́коже Авраа́м о́ный в патриа́рсах наро́читый, и иди́ в монасты́рь су́щий при Иорда́не реце́. А́бие у́бо ста́рец послѣ́дуя глаго́лющему, изы́де из монасты́ря, в не́мже от младе́нчества ѡ́ночествова, и дости́г Иорда́на, наста́влен бысть от зову́щаго во о́ный монасты́рь, в не́мже Бог бы́ти ему́ повеле́. Толкну́в же руко́ю в двѣ́ри монасты́рския, обрѣ́те мона́ха двѣ́ри храня́щаго, и тому́ пе́рвее о себѣ́ рече́. Он же возвестѣ́ игу́мену, ѡ́же его́ приѣ́мь, и о́бразом мона́ха узрэ́в, сотвори́шаго ѡ́ноческое о́бычное поклонѣ́ние и моли́тву, вопро́си его́: отку́ду еси́, бра́те? И чесо́ ра́ди к ни́щим нам ста́рцем прише́л еси́? Зосѣ́ма же отве́ща: е́же отку́ду приидо́х, несть сие́ ну́жно рещи́, по́льзы же ра́ди, о о́тче, приидо́х. Слы́шах бо о васъ вели́кая и достохва́льная, могу́щая ду́шу присво́ити Бо́гу. Рече́ же ему́ игу́мен: Бог еди́н, бра́те, исцеля́яй ду́шѣ не́мощь, Той тебѣ́ и нас да научи́т Свои́м Божѣ́ственным хотѣ́ниям, и наста́вит вся твори́ти полѣ́зная. Челове́к бо челове́ка по́льзовати не мо́жет, а́ще не кѣ́йждо внима́ет себѣ́ всегда́, и бо́дрствуя ду́хом де́лает полѣ́зное, Бо́га имѣ́й с ним ку́пно де́лающа. Но поне́же лю́бовь Христо́ва, е́же ви́дети нас, убо́гих ста́рцев, тебѣ́ подви́же, пребыва́й с на́ми, а́ще сего́ ра́ди прише́л еси́, и всех нас напитáет благода́тию Свята́го Ду́ха Па́стырь до́брый, да́вый ду́шу свою́ изба́вление за нас. Сия́ ре́кшу игу́мену к Зосѣ́ме, поклонѣ́ся он, и

испроси́в моли́тву и благослове́ние, и рек ами́нь, пребы́сть в монасты́ре том. Ви́де же та́мо ста́рцев, де́янием до́брых дел и Богомы́слием сия́ющих, ду́хом горя́щих, Го́сподеви рабо́тающих. Пе́ние бо их бе непреста́нное, стоя́ние всено́щное, в рука́х при́сно де́лание, и псалмы́ во усте́х их. Словесе́ же пра́здна не бе в них, промы́шления о стяжа́нии прибы́тков вре́менных и печа́ли жите́йския ниже́ именовани́ем в них познава́ема бя́ху, но еди́но бе то́чию и пе́рвое и послéдствующее с поспешéнием о всех тща́ние, е́же имéти себе́ ме́ртвых те́лом. Пи́щу же имéяху неоскудева́ющую словеса́ Бо́жия, пита́ху же и те́ло хлéбом и водо́ю, я́коже коему́ждо бе к Бо́жией любви́ разжже́ние. Сия́ ви́дев Зоси́ма, пользо́вашеся зело́, простира́ясь на предше́жий по́двиг. Днем же мно́гим мимоше́дшим, прибли́жися вре́мя свята́го Вели́каго поста́, врата́ же монасты́рская затворéна бя́ху всегд́а, и никогд́аже отверза́хуся, ра́зве то́чию егд́а кто от них изше́л бы посыла́емый о́бщия ра́ди потре́бы, пу́сто бо бе ме́сто, и не то́чию ины́м нехотимо́, но и незна́емо миря́нами. Бе же тако́в в монасты́ре том чин, егóже ра́ди Бог и Зоси́му та́мо приведе́. В пе́рвую неде́лю поста́ творя́ше пресви́тер свята́ю литурги́ю, и вси прича́стницы быва́ху пречи́стаго Те́ла и Кро́ве Христа́ Бо́га на́шего, и ма́ло от бра́шна по́стническаго вкуша́ху. Потóм собира́хуся в це́рковь, и сотвори́вше моли́тву приле́жную, и коленопреклонéния дово́льная, лобза́ху друг дру́га ста́рцы, и кийждо игу́мена, с поклоне́нием прося́ о благослове́нии и молéнии на предше́жий по́двиг поспешеству́ющем и спуты́шествующем. Сим же бы́вшим врата́ монасты́рская отверза́ху, и пою́ще согла́сно: Господь просвещéние моё и Спаси́тель мой, когó убою́ся? Господь зашч́ититель живота́ моего́, от когó устрашю́ся? и прóчее псалма́ того́ доконча́юще, исхожда́ху вси в пусты́ню, еди́наго или́ два бра́та храните́ля монасты́рю оста́вльше, не да храня́т внутрь сущая́ имени́я, не бе бо в нем что таты́ми крадо́мое, но да це́рковь без служéния Божéственного не оста́нется, и прехо́ждаху реку́ Иорда́н. Кийждо же ноша́ше себе́ пи́щу, я́коже можа́ше и хотя́ше, проты́ву потре́бы телéсныя умеренну, ов ма́ло хлéба, ов же смо́квы, ин фíники, други́й же со́чиво мочéное водо́ю, а ин ничто́же, то́чию те́ло своё, и рúбы, и́миже одéян бя́ше, пита́шеся же, егд́а естество́ те́ла прину́ждаше, зéлиями расту́щими в пусты́ни. Та́ко Иорда́н прешéдше, разлуча́ху далéче о себе́, и не ве́даше кийждо друг дру́га, ка́ко посты́тся, или́ ка́ко подви́зается. А́ще ли же случа́шеся узрéти друг дру́га своего́ к нему́ идуща́, а́бие уклоня́шеся на и́ну страну́, и еди́н живя́ше Бо́гу по́я всегд́а, и зело́ ма́ло во вре́мя уречéнное вкуша́я пи́щи. Си́це у́бо весь пост сконча́юще, возвраща́хуся в монасты́рь, в неде́лю, я́же есть прéжде Воскресéния Христо́ва, егóже предпра́зднство тогд́а с цветоно́сием це́рковь пра́здновати прия́ла есть. Возвраща́хуся же кийждо имéя труда́ своего́ свидéтеля со́весть свою́, свéдущую что соде́ла, и никто́же отню́д вопроша́ше другáго, ка́ко и кóим óбразом труда́ по́двиг соверши́. Тако́в бо бе уста́в монасты́ря того́. Тогд́а у́бо и Зоси́ма по обы́чаю монасты́рскому прей́де Иорда́н, ма́ло нéчто от пи́щи нося́ тре́бования ра́ди телéснаго, и одéжду, ёю́же одéян бя́ше. Пра́вило же своё моли́твенное соверша́ше сквозé пусты́ню ходя́, и во вре́мя пи́щи, по нýжде естéственной опа́сно творя́ше. Сна же ма́ло имéяше, в но́щи на земли́ воскло́нься и сéдши, нéколико почива́я, идéже но́щное вре́мя егó посты́же, зело́ же ра́но па́ки востая́, своё течéние творя́ше. Вожде́ле же вни́ти во вну́треннюю пусты́ню, наде́ясь обрести́ нéкоего от отéц та́мо подви́заша́гося, и́же бы могл пользо́вати егó, и приложы́ся ему́ желáние к желáнию. Шед же два́дцать дней (инии́ пи́шут осмь́ дней), ста ма́ло от путы́, и обраты́вся на восток, по́яше час шесты́й, творя́ обы́чныя моли́твы, преста́яше бо ма́ло от путеше́ствия во вре́мя пра́вила своего́, коегóждо часа́ по́я и кла́няся. Егд́а же стоя́ше по́я, узрэ от десны́я страны́ стень а́ки челове́ческаго телесé, испéрва у́бо ужасéся, мня зрéти привидéние бесóвское, и трéпетен быв, зна́менася зна́мением крéстным, и

страх отложив, уже скончавая свою молитву, обратися очесами к полудню, и виде некоего идуща нага телом, и черна от солнечного опаления, власы имуща на главе белы, аки волну, и кратки, яко точно до выи достигающия. Сие Зосима виде, нача тещи на страну оную, на нейже то видяше, радуясь радостью великою: не виде бо в тья дни человеческого видения, ниже иного коего животного (како обретется преподобным Зосимою в пустыни). Егда же то видение Зосиму издалеча грядущаго узре, нача тещи и бежати в глубочайшую пустыню. Зосима же яко забы свою старость и труд путный, быстро течаще, хотя постигнути бежащее, сей убо гоняше, а оно бежаше, бысть же течение Зосимино скорейшее паче того бежащаго. Егда же приблизися, яко мощи уже и глас слышати, нача вопити Зосима со слезами, глаголя: почто от мене бежиши, старца грешнаго, рабе истиннаго Бога, Егоже ради в пустыни сей живёши? Пожди мене, недостойнаго и немощнаго, пожди надежды ради воздаяния за твои труды, станы, и подаждь ми, старцу, молитву твою и благословение, ради Бога невозгнушавшагося никогже. Сия Зосиме со слезами глаголющу, быша близ себе, текуще к месту некоему, идеже акибы поток сух воображался. Егда же прибежаша на то место, бежащее сниде на другую страну. Зосима же утружда, и ктому тещи не могый, ста на сей стране поточнаго воображения, и приложит к слезам слезы, и к воплю вопль, яко паче ближайших рыданий слышатися им. Тогда оно бежащее тело глас таков испустит: авво Зосимо, прости мя Господа ради, яко не могу обратившись явиться тебе, жена бо есмь нага, якоже видиши, и студ телесный непокровен имущая. Но аще хощеши мне, жену грешней, молитву твою и благословение подати, поверзи ми нечто от одежды твоея, да покрыю наготу мою, и обратившись к тебе молитву от тебе приму. Тогда трепет и страх велий, ужас же ума объят Зосиму, яко услыша именем себе зовома, егоже никогдаже та виде, и о немже никогдаже слыша, и рече в себе: аще не бы сия прозорлива была, не бы именем звала мене. И сотвори вскоре реченное ему, снем с себе одежду ветху же и раздранну, юже носаше, верже к ней, отвратився лицом от нея. Она же вземши, покры часть тела своего, юже достояше паче иных частей покрыти, якоже бе мощно, препоясавши, и обратившись к Зосиме, рече к нему: почто тебе изволися, авво Зосимо, грешную жену видети? Что ли требуя у мене слышати, или чему научитися, толикаго труда не обленился еси подъяти? Он же на землю повергся, просяще прияти благословение от нея. Такожде и она поверже себе, и лежаша оба на земли, един от другаго благословения просящи, и ничтоже бе слышати от обоих глаголемо, кроме, благословий. По мнозем же часе рече жена к Зосиме: авво Зосимо, тебе подобает благословити и молитву сотворити, ты бо пресвитерства саном почтен еси, и от многих лет святому олтарю предстои, Божественных Таин дары Господу приносиши. Сия словеса в больший страх Зосиму подвижаша, и трепетен быв старец, слезами обливался и стеньше, глагола же к ней претружденным и изнемогающим отдыханием: о мати духовная! ты Богу приблизилася еси, и множайшею частию умертвилася еси, являет тя большее паче иных Божие данное тебе дарование, яко именем мя зовёши, и пресвитера нарекла еси, егоже никогдаже видела еси, темже сама паче благословий Господа ради, и подаждь молитву требующему от твоего совершения. Послабивши убо она прилежанию старцу, рече: благословен Бог хотяи спасения душам человеческим. Зосиме же рекшу, аминь, восташа оба от земли. Она же рече к старцу: чего ради ко мне, грешнице, пришёл еси, о человеке Божий? Чего ради восхотёл еси видети жену нагую, ни единыя добродетели имеющую? Оба же благодать Святаго Духа наставила тя, да некое послужение совершиши телу моему бо время потребы. Рцы же ми, отче, како христиане живут ныне, како же цари, и како святые церкви? Зосима же отвеча: молитвами вашими святыми мир крепок Бог даровал есть, но примий мольбу

недостойнаго старца, и помолися Господа ради о мире всем и о мне, грешном, да не будет ми бесплодно пустынное сие хождение. Она же отвеща к нему: тебе па́че достойт, авво Зосимо, священный имеюще чин, за мене и за вся молитися, на то бо и учинен еси, обаче понеже послушание творити должны есмы, повеленное убо мне тобою сотворю. Сие рекши, обрати на восток, и возведши очи горе, и рuce воздевши, нача молитися тихо, и не слышахуся глаголы ея, от нихже Зосима ничтоже разуме, и стояше (якоже глагола) трепетен, долу зря, и ничтоже вещая (в молитве возвышашеся на воздух). Кленяшеся же Богом свидетелем, глаголя, яко егда медляше та на молитве, воздвиг мало очи от зрения на землю, узрех ю возвышену яко на локоть един от земли, и на воздухе стоящую и молящуюся. Сие же яко виде Зосима, страхом множайшим содержишь, поверже себе на землю, слезами обливаясь, и ничесоже глагола, точно: Господи, помилуй. На земли же лежа старец, смущашеся мыслю, мня яко привидение се и дух есть, иже молитву притворяет. Обратившись же она, воздвиг старца, и рече: почто ты, авво Зосимо, помышления о привидении смущают, глаголющая: яко дух есмь, и молитву притворяю? Ей, молю ты, отче блаженне, да известен будеши, яко жена есмь грешница, но крещением святым ограждена, и не смь в привидении дух, но земля, прах, и пепел, и всячески плоть, ничтоже когда духовное помыслившая. И сие рекши, знамена крестным знамением чело свое, и очи, и устне, и перси, глаголющи сие: Бог (авво Зосимо) да избавит нас от лукаваго, и от ловления его, яко многа брань его на нас. Сия слышав и виде старец, паде пред ногами ея, глаголя со слезами: заклинаю ты именем Господа нашего Иисуса Христа, истиннаго Бога, рождашася от Девы, Егоже ради наготу сию носиши, и Егоже ради плоть твою тако умертвила еси, не скрый от мене жития твоего, но все повеждь ми, да величия Божия яве сотвориши. Рцы ми все Бога ради, не похвалы бо ради изречеши, но да известиши, яже о тебе, мне, грешному и недостойному. Верую бо Богу моему, емуже живеши, яко сего ради наставлен есмь в пустыню сию, да твоя вся яве Бог сотворит, несть бо силы наша противитися судьбам Божиим. Аще бо не бы угодно было Христу Богу нашему, дабы ты уведана была и подвиги твоя, и тебе не явил бы мне, и мене на толикий путь не укрепил бы, никогдаже хотевшаго или могущаго изыти из келлии моея. Сия и множайшая изрекшу Зосиме воздвигши его, она рече к нему: стыждуся (отче, прости мя) студ рещи тебе дел моих, но понеже тело мое наго видел еси, обнажу ти и дела моя, да познаеши, колика студа и срамоты исполнена есть душа моя, не похваления бо некоего ради, якоже сам рекл еси, яже о мне исповем тебе, о чем бо имам похвалитися сосуд избран диаволу бывшая. Но аще начну повесть, яже о мне, бежати имаши от мене, якоже кто бежит от змия, не терпя слышати ушесы безместная, яже аз недостойная содеях, обаче изреку, не умолча ничтоже, но молю ты прежде, да не оскудеши молитися за мя, яко да обрящу милость в день Судный.

Житие преподобных матере нашея Марии Египетския.**Статья вторая.**

Стáрцу желáюще увéдати житиé Марíи, и неударжи́мо слезя́щу, нача́ она́ яже о себѣ повествова́ти си́це: Аз, о́тче, рождéна есмь во Егíпте, б́вшеи же ми двунáдесяти лет, и ещё́ живы́м сущим родíteлем мо́им, отверго́хся любви́ их, и идóх во Александríю. И кáко пѣрвое дѣвство моѣ растлѣх, неударжимое же и ненасы́тное нача́х творíти любоде́яние, стыждúся же и помы́слити, не то́чию глаго́лати намно́зе, обáче нýжднейшее скорѣе изглаго́лю, да увеси неударжа́ние плóти моея́: седмьна́десять лет и бóлее сотвори́х в наро́дном блудоде́янии, не рáди дáра или́ мзды ко́ея, ниже́ бо от нѣкиих да́ющих ми хотѣх при́яти, сие́ же умы́слих, да мно́жайших приобря́щу притека́ти ко мне ту́не, и исполнѣ́ти плотско́е желáние моѣ. Не мни же о мне, я́ко богáта бех, и не взима́х: в нищете́ бо живѣх, и мно́жицею гладнá изгрѣбиа прядóх, раждеже́ние же имѣях ненасы́тное, всегда́ в т́ине блóдной валя́тися, то бо мнѣх б́йти и жизнь, е́же всегда́ творíти безче́стие естества́. Та́ко ўбо живу́щи, вѣдѣх в нѣкое жáтвенное вре́мя наро́д мног мужѣй Ливíан и Егíптян идúщих на мо́ре, вопроси́х же тогда́ нѣкоего прилучи́вшагося мне: кáмо идут му́жи сии́ со тщáниемъ? Он же ми рече́: во Иерусали́м, Воздв́жения рáди Честна́го и Животворя́щаго Крестá, е́же не по мно́зех днѣх прáздноватися б́дет. И рекóх к нему́: по́ймут ли ўбо и мене́, áще пойду́ с н́ими? Он же рече́: áще íмаши наём и бра́шно, никто́же тебе́ возбранíт. Рекóх же к нему́: воистинну, бра́те, ни нáйма íмам, ни бра́шна, пойду́ же и аз, и вни́ду во е́дин корáбль с н́ими, и пита́ти мя íмут: тѣло бо моѣ дам им за наём. Сего́ же рáди хотѣх с н́ими идт́и, (о́тче, прости́ мя,) я́ко да íмам мно́жайших рачíteлей гото́вых к стра́сти моѣй. Рех ти, о́тче Зосíмо, не н́уди мене́ изрещи́ студ мой, ужаса́юся бо, весть Господь, я́ко оскверня́ю и сáмый возду́х словесы́ моими́. Зосíма же слезáми омака́я зѣмлю, отвеща́ к ней: глаго́ли Го́спода рáди, о ма́ти моя́! Глаго́ли, и не престáни от полѣзны́х ми по́вести. Она́ же к пѣрвым приложи́ сия́: той ўбо ю́ноша услы́шавши сквѣрных мо́их словѣс безсты́дие, смѣхом содержи́мь отíде. Аз же повер́гши пряслицу, ю́же случи́ся ми на вре́мя носíти, текóх к мо́рю, иде́же теку́щих зрех и вѣдѣх нѣкия при мо́ри стоя́щия, числóм я́ко дѣсять мужѣй или́ и мно́жайших, ю́ных телесы́, íже дово́лни мне б́йти яви́шася к по́хоти моѣй. Внидо́ша же и инíи уже́ прѣжде в корáбль, и по обы́чаю моему́ безсты́дно вскочи́вши к ним, поймите́, рекóх, и мене́, áможе вы идете́, не íмам бо вам обрест́ися неугóдна, но и ины́я рѣкши сквѣрны́х глаго́лы, подвиго́х всех на смех. Онí же безсты́дие моѣ вѣдевши, поймше мя введóша в корáбль свой, и оттúду нача́хом плы́ти. А я́же отселе́ бы́ша, кáко ти испове́м, о челове́че Бóжий! Котóрый язы́к изречёт, или́ слух при́имет б́вшая злáя дела́ моя́ на пут́и и в корабл́и? Кáко и не хотя́щих аз ока́янная понужда́х на грех: несть бо о́браз нечистóт изрица́емых же и неизрица́емых, íхже тогда́ бех учíteльница, íми мне вѣру, о́тче, ужаса́юся, кáко понесе́ мо́ре блужéние моѣ? Кáко же не раздв́же земля́ уст сво́их, и живу́ю мя во ад не погрузи́, то́лико душ сѣтию́ смѣртною улови́вшую? Но мню́, я́ко пока́яния моего́ Бог иска́ше, не хотя́щ смѣрти грѣшника, но ожида́ющ с долготерпѣ́нием обра́щения. Та́ко ўбо и с тако́вым тщáниемъ възидóх во Иерусали́м, и е́лико днѣй прѣжде прáздника та́мо пребы́х, подóбная пѣрвым творíх, пáче же и го́ршая, не дово́льна бо бех ю́ношами б́вшими со мно́ю в корабл́и и на пут́и, но и ины́х мно́жайших, гра́жданы же и стран́ныя, на ту сквѣрну собира́х. Егда́ же пости́же прáздник свята́го Воздв́жения Честна́го Крестá, аз я́ко и пѣрвее обхожда́х дýши ю́ных уловля́ющи. Вѣдѣх же зело́ рáно всех согла́сно стека́ющихся в цѣрковь, идóх ўбо и аз, и текóх с теку́щими, и приидóх с н́ими в притво́р церко́вный. И егда́ приспѣ час свята́го Воздв́жения Честна́го Крестá Господня́, и аз тща́щися вни́ти в цѣрковь с наро́дом, тесня́хся, но оттесня́ема, и отрѣва́ема бех, угнетáема же, с трудо́м мно́гим и нýждею

приблѣжихся к двѣрем цѣркве и аз окаѣнная. Егда же на праг двѣрный возступѣх, инѣи ѹбо вси невозбранно внидоша, мне же Божественная некая возбранѣи сила, не попускаѹщи внѣти, и паки покусѣхся, но отриновѣна бех, и еди́на в притворѣ отвержѣна стоях, мнѣвши же, яко от жѣнскія немощи сѣе случаетсѣ ми. Паки инѣм входящим примесѣхся и нуждахся внѣти, но труждахся всѣе, и паки бо егда ногѣ моя грѣшная прагу коснѹся, цѣрковь всех приимаше никомѹже возбранѣя, менѣ же еди́ну окаѣнную не приимаше, но яко воѣнское мно́жество на сѣе устроѣнное, еже вход возбранѣти, сѣе мне внеза́пная некая возбранѣше сила, и паки обретохся в притворѣ. Сѣе же трѣжды и четѣрежды пострадавши, трудѣвшись, и ничто́же успѣвши, изнемо́гох, и ктомѹ не мо́гох примешѣтисѣ к входящим, (бѣвшу и тѣлу моемѹ от нѹжды угнета́ющих зело́ претружда́ну) В студѣ же сѹщи и неча́ннии прѣчее, отступѣх, и стах в не́коем ѹгле притвора цѣрковнаго, и едва́ не́когда приидох в чѹвство, ка́я бысть вина́ возбранѣющая мне видѣти Животворя́щее Дре́во Креста́ Господня, коснѹся бо очесѣм сѣрдца моего́ свет ра́зума спасѣтельнаго, за́поведь Господня свѣтлая, просвѣща́ющая душѣвныя ѡчи, показѹющи ми, яко тѣна дел моихъ возбранѣет ми цѣрковный вход, начах ѹбо пла́каться, и рыда́ти, и в пѣрси би́ти, воздыха́ния из глубины́ сѣрдца износя́щи. Пла́чущисѣ же на мѣсте, на немже стоях, узрѣх горѣ ико́ну Пресвяты́я Богороди́цы на стенѣ стоящую, и рекѡх к Ней, неотвѣ́рно очесѣи и умѡм зря́щи: о Дѣво Владѣ́чице, ро́ждшая плѡ́тию Бо́га Сло́ва! вѣм воистинну, вѣм, яко несть Ти достохвѣ́льно, ниже́ благоприятно, еже зрѣти мне сѣе нечи́стей и сквѣ́рней блудни́це на честнѹю ико́ну Твою́ Пречи́стыя Приснодѣ́вы Марѣи, имѹ́щія тѣло и дѹшу чи́сту и несквѣ́рну, пра́ведно же есть мне, блудни́це, возненави́денней и омерзѣ́нней бѣ́ти от Твое́я дѣвственныя чистотѣ́. Но понѣ́же слы́шах, яко сегѡ́ ра́ди Бог челове́къ бысть, егѡ́же родила́ еси́, да призо́вет грѣшники на покая́ние, помози́ мне, еди́ней не имѹ́щей ни от когѡ́же по́мощи. Повели́, да и мне невозбранѣ́н бѹдет в цѣрковь вход, и не лишѣ́ менѣ видѣти Честно́е Дре́во, на немже плѡ́тию пригвозди́ся Бог ро́ждѣнный от Тебѣ́, ѣже Кровь Своѹ́ за мое́ избавлѣ́ние даде́. Повели́, о Владѣ́чице! да и мне, недостѡ́йной, двѣри отве́рзутсѣ к поклонѣ́нию Божественнаго Креста́. И бѹди ми Ты, Порѹ́чница достове́рнейшая к ро́ждѣнному из Тебѣ́, яко уже́ ктомѹ телесе́ моего́ не ѣ́мам оскверни́ти никѡ́имже нечи́стым блужѣ́ния руга́нием, но егда́ Дре́во свято́е Крѣ́стное Сы́на Твоего́ узрю́, ми́ра и ѣ́же в ми́ре всего́ отве́ргусѣ, и ѡ́бие изы́ду, ѡ́може Ты Сама́, яко Порѹ́чница моего́ спасѣ́ния, наста́виши мя. Сѣя ре́кши, и яко не́кое извѣще́ние приѣ́мши, вѣрою разжѣ́на, и наде́жду на благоутро́бие Богороди́цы утвержде́на, двѣ́гнухся от ѡ́наго мѣста, на немже стоя́щи творѣ́х моли́тву, и шѣ́дши па́ки ко входя́щим в цѣрковь примесѣхся, и уже́ никто́же бе отрѣва́яй менѣ́, и никто́же возбранѣ́яй бѣ́ти ми близ двѣре́й, ѣ́миже в цѣрковь вхожда́ху. Приѣ́х ѹбо мя страх и ѹ́жас, и вся трепета́х и трясо́хся, та́же дости́гши двѣре́й, ѣ́же дото́ле затворѣ́ны мне бѣ́ша, без труда́ внидохъ внутрь цѣркве свята́я свѣ́тых, и Честна́го и Животворя́щаго Креста́ Дре́во видѣти сподо́бихся, и видѣх та́йны Бо́жия, и ка́ко гото́в есть приима́ти ка́ющихся. Па́дши же на зѣ́млю, поклонѣ́хся Честно́му Дре́ву Крѣ́стному, и лобыза́х е́ со стра́хом, и изы́дох, к Порѹ́чнице мое́й прии́ти тща́щисѣ. Бѣ́вши же на ѡ́ном мѣсте, иде́же бе Порѹ́чницы мое́я рукописа́ние, ико́на Еѣ́ свѣ́тая, и на колѣ́на поклонѣ́вшисѣ предъ Приснодѣ́вою Богороди́цею, сѣя изрекѡх глаго́лы: Ты, о Присноблаже́нная Дѣво Владѣ́чице Богороди́це! Твое́ на мне показѹ́еши преблагѡ́е человеколю́бие. Ты недостѡ́йныя мое́я не гнуша́еши моли́твы, видѣх бо сла́ву, ю́же впра́вду недостѡ́йно бе мне зрѣти блѹ́дной. Сла́ва Бо́гу приѣ́млющему Тебѣ́ ра́ди покая́ние грѣшных. Чтѡ́же ѣ́мам бо́лее грѣшная помѣ́слити и́ли рещи́? Вре́мя есть уже́, Владѣ́чице, испо́лнити за поручѣ́нием Твоѣ́м еже обеща́х, ны́не, ѡ́може во́лиши, наста́ви мя, ны́не бѹди ми прѣ́чее спасѣ́ния учи́тельница, руковѡ́дствующи на путь покая́ния. Сѣя глаго́ля,

слы́шах глас изда́леча вопи́ющ: а́ще Иорда́н прейде́ши, добр по́кой обря́щеши. Аз же глас Той услы́шавши, и я́ко мене́ ра́ди бысть, ве́ровавши, со слеза́ми воззва́х, на ико́ну Богоро́дицы зря: Влады́чице, Влады́чице Богоро́дице, не оста́ви мене́! И си́це воззва́вши изыдо́х из притво́ра церко́внаго, и скороте́чно шество́вах. Иду́щую же мя ви́де не́кто, и даде́ ми три ца́ты, ре́кши: приими́ сия́, о ма́ти! Аз же прие́мши купи́х за них три хле́ба. Вопроси́х же хлебопро́давца: кото́рый путь есть ко Иорда́ну? Уве́давши же врата́ гра́дская́ су́щая ко о́ной стране́, изыдо́х, теку́щи и слезя́щи. Вопроша́ющи же пу́ти от сретя́ющих, день той в пу́ти сконча́х, бе же к тре́тиему́ часу́ дне, егда́ Честный́ святы́й Крест Христо́в ви́дети сподо́бихся, и со́лнцу уже́ к за́паду прекло́ншуся, достиго́х це́ркве свята́го Иоа́нна Крести́теля, близ Иорда́на су́щая, в не́йже поклони́вшись, снидо́х на Иорда́н а́бие, и от тоя́ святы́я воды́ ру́це и лице́ умы́х, и шедши́ па́ки в це́рковь причасти́хся в не́й Пречи́стых и Животворя́щих Таи́н Христо́вых, и посе́м еди́наго от хле́бов полови́ну снедо́х, и от воды́ Иорда́нския́ пих, на земл́и же но́щию почи́х. И воу́трие ра́но обрети́х та́мо корабле́ц мал, превезо́хся на о́ну страну́ Иорда́на, и па́ки помолѝхся наста́внице моёй Богоро́дице, да наста́вит мя, иде́же Ей само́й есть благоу́годно. Приидо́х у́бо в пусты́ню сию́, и отто́ле да́же и до днесь удали́хся бе́гая, и zde водвори́хся, ча́я Бо́га спаса́ющего мя от пренемогáния ду́ши и бу́ри, обраща́ющуюся к Немю́. Зосѝма же рече́ к не́й: коли́ко лет есть, о госпо́же мо́я, отне́леже в сей водворя́ешься пусты́ни? Она́ же отве́ща: четы́редесять и семь лет разумѝю бы́ти, отне́леже изыдо́х из Свята́го Гра́да. Рече́ же Зосѝма: и что обрета́еши на пи́щу, госпо́же мо́я? Она́ же рече́: полтретья́ хле́ба принесо́х прешедши́ Иорда́н, и́же помале́ изсо́хше окамене́ша, и́хже помалу́ чрез ле́та не́кая вкуша́ющи сконча́х. Рече́ же Зосѝма: ка́ко же безбе́дно пребы́ла еси́ то́лькое вре́мене разсто́яние, ни́кому́же сопроти́вну премене́нию смутѝвшу́ тя? Отве́ща она́: о ре́чи мя ны́не вопро́сил еси́, а́вво Зосѝмо, о не́йже ужа́саюся глаго́лати, а́ще бо воспомина́ю то́ликия бе́ды, я́же претерпе́х, и помышле́ния лю́тая смутѝвшая мя, бою́ся, да не ка́ко па́ки от них объ́ята бу́ду. Рече́ же к не́й Зосѝма: ничто́же оста́ви, о госпо́же мо́я, е́же не возвестѝти ми, еди́ною бо о сем вопро́сил тя, да вся подро́бну изъя́виши ми. Она́ же рече́ к немю́: ве́руй ми, а́вво Зосѝмо, седмѝна́десять лет пребы́х в пусты́ни сей, я́ко со зверьми́ лю́тыми, с мо́ими безу́мными похотьми́ борю́щийся. Егда́ бо пи́щи вкуша́ти начина́х, желáх мя́с и ры́б, я́же ми бяху́ во Егѝпте. Желáх же и пити́я вина́ вожде́лннаго мне. Мнóго бо вина́ пия́х в ми́ре су́щи, zde же и воды́ отню́д не имѝюще, лю́те жа́ждею пали́ма бех, и бе́дне терпѝх. Бывáше же ми и желáние блу́дных пе́сней, зело́ смущáющее и понужда́ющее мя пѝти пе́сни бесо́вския, и́мже навько́х. А́бие же слезя́щи, и в пе́рси бию́щийся, воспомина́х обе́ты, я́же сотвори́х исходя́щи, в пусты́ню сию́. Бывáх же по́мыслом пред ико́ною Пречи́стыя Богоро́дицы Споручни́цы мое́я, и пред не́ю пла́кахся, моля́щи отгна́ти от мене́ помышле́ния, си́це окаянну́ю мою́ ду́шу смущáющая, егда́ же дово́льно пла́кахся, и в пе́рси усер́дно бия́х, тогда́ свет ви́дех отвсю́ду мя осия́вший, и тишина́ от трево́лнения изыма́ющая бывáше ми. По́мыслы же на блуд па́ки порева́ющие мя, ка́ко ти испове́м, а́вво, прости́: огнь бо внутрь́ се́рдца моего́ стра́стного возгара́шеся, и всю́ отвсю́ду паля́ше мя, и к желáнию сме́шения понужда́ше. Егда́ же таково́е помышле́ние прихо́ждаше ми, поверга́х мя на зе́млю, и слеза́ми облива́хся, помышля́ющи са́мую мне предстоя́ти Споручни́цу мою́, преступле́ние моё́ судя́щую, и мучѝние за преступле́ние грóзно показу́ющую, и не воста́вах от поверже́ния мене́ на зе́млю день и но́щь, до́ндеже сла́дкий о́ный свет осия́ваше мя, и по́мыслы смущáющие мя отгоня́ше, о́чи же мо́и к Споручни́це моёй возводя́х, непреста́нно прося́щи по́мощи мне бе́дствующей в пусты́нной пучи́не, я́коже и войсти́нну по́мощницу́ ту имѝх и к пока́йнию поспѝшницу. И та́ко сконча́х седмѝна́десять лет, безчи́сленныя бе́ды пострада́вши. отто́ле же да́же до днесь по́мощница мо́я Богоро́дица во всем, и на вся

руководствует мя. Рече же Зосима к ней: не потребовала ли еси прочее пищи или одеяния? Она же отвеча: хлебы убо оныя скончавши в седминадесяти лѣтах, питахся зѣлием обретающимся в пустыни сей. Одеяние же, еже имѣх Иордан прешѣдши, о вѣтхости истлѣ, и многую от зимы и от знѡя нѣжду претерпѣх, знѡем опалѣема и зимѡю омерзѣема и трепѣщуца, якоже и множицею падши на землѣ, аки бездѣшна, отнюд недвижима лежах, многими и различными бедѡми, и искушеніями безмѣрными борѣма. Оттоле же и до днесь сила Божія многообразная грѣшную мою дѣшу и тѣлу смиренное соблюде, помышляюще бо точию, от каковыхъ мя зол избѣви Господь, пищу неистощимую стяжах надежду спасенія моего, питаюся бо и покрываюся глаголом Божиим, содержащим всяческая, ибо не о хлѣбе едином жив будетъ человек. И елицы не имѣяху покрова, в камене облекѡшася, елико их совлечѣся грѣховнаго одеянія. Слышав же Зосима, яко и словеса от Писанія воспоминает, от Моисѣа же и Пророк и от книгъ псаломскихъ, рече к ней: псалмомъ же и инымъ книгамъ, о господѣ, училася ли еси? Она же слышавши сие, осклабися, и рече к нему: веруй, человекѣ, не видѣхъ инѡго человека, отнележе Иорданъ преидѡхъ, кромѣ твоего лица днесь, и ниже звѣря, ни инѡго живѡтнаго видѣхъ, книгамъ же никогдѣже учихся, ни инѡго чтѣщаго или поющаго слышѡхъ, но слово Божіе живо и дѣйственно учитъ разуму человека, даже до зде конецъ сущія о мнѣ повѣсти. Ныне убо заклиная тѡ воплощеніемъ слова Божія, молѣтися за мя, блудницу. Сіѡ егда она изрече, и слово сконча, устремѣся старецъ поклонѣтися, и со слезѡми возопѣ: благословѣнъ Богъ творѣй великая и страшная, славная же и дивная неизреченная, ѣмже несть числа. Благословѣнъ Богъ показавый ми, елика даруетъ боящимся Его, воистинну не оставляеши взыскующихъ Тебѣ, Господи. Она же ѣмши старца, не попусти томѣ совершенно поклонѣтися ей, и рече к нему: сіѡ вся, ѡже слышалъ еси, отче, заклиная тѡ Иисусомъ Христомъ Богомъ Спасителемъ нашимъ, да никомуже речеши, дѡндеже Богъ от землѣ возметъ мя. Ныне же с миромъ отидѣ, и паки в грядѣщее лѣто ѡзриши мя Божіей насъ хранѣщей благодѡти. Сотвори же Господа ради то, еже ти ныне повѣмъ, моля: въ постъ грядѣщаго лѣта не преходи Иордана, якоже обыкѡсте творѣти въ монастырѣ. Дивляшесѡ же Зосима, услышавъ, яко и чинъ монастырскій возвестѣ, и ничтѡже ино глаголаше, кромѣ: слава Богу дающему великая любѡщимъ его. Она же рече ему: пребудѣ убо, якоже глаголю ти, авво, въ монастырѣ, ибо и хотѣщу изыти, не возможно ти будетъ. Въ святѣй же Великій Четвертокъ, въ вѣчеръ Таинственныхъ Христовъ Вѣчерѣ, возмѣ отъ Животворящаго Тѣла и Крове Христѡа Бога нашего въ сосудъ святѣй, достѡйный таковогѡ таинства, принеси же и пожди мя на оной Иордана странѣ, сущей близъ селенія мирскаго, да пришедши причащѣся Животворящихъ Дарѡв. Отнележе бо причѡстѣхся ихъ въ цѣркви Предтѣчевѣ, прѣжде даже Иорданъ преидѡхъ, даже до ныне святѣни тоѡ не получѣхъ, ныне же усѣрдно еѡ желѡю, и молю тѡ, да не прѣзриши моего моленія, но всячески принеси ми Животворящее то Божѣственное Таинство, въ онѣже часъ Господь Своѡ ученикѣ вѣчерѣ Божѣственныхъ причѡстники сотвори. Иоѡнну же игумену монастыря, въ немже живѣши, рцы: внимѡй тебѣ и стаду твоему, некая бо тамо творѣтся трѣбующѡя исправленія, обѡче хощу, да не ныне то речеши ему, но егда Господь повелѣитъ ти. Сіѡ рѣкши и моленія за сѡ от старца испросѣвши, во внѣтреннюю пустыню отидѣ. Зосима же поклонѣся до землѣ, целова мѣсто, идѣже стоя стопы ногъ еѡ, даѡ славу Богу, и возвратѣся хвалѡ и благословѡ Христѡа Бога нашего. Прешѣдъ же онѡю пустыню, приидѣ въ монастырь, въ онѣже день возвращѣтися обыкѡша братѣя въ немъ живѣущи, и въ то лѣто умолча всѡ, никомуже смѣѡ изрещѣ, ѡже видѣ. Въ себѣ же Бога моляше показѡти ему паки желѡемое лице, скорбѣше же и тужѡше помышляѡ долготѣ лѣтнягѡ теченія, хотѣѡ единымъ днемъ лѣту онѡму бѣти, аще бы мѡщно бѣло. Егда же приближѣся свѡтаго Великаго поста первая недѣля, ѡбие по обычаю и чѣну монастырскому, сотворѣвше молѣтву, инѣи

вси брѣтия поюще изыдоша в пустыню. Зосіме же недугом распалену, нужда бе удержану в монастыре остатися. Воспомяну же той преподобную рекшую, яко, и хотящу ти из обители изыти невозможно будет, но не по многих днех от недуга востав, пребываше в монастыре. Егда же возвратишася брѣтия и приближися вечер Таинственные Христовы Вечери, сотвори Зосіма завещанное ему: вложи в малую чашу от Пречистаго Тела и Крове Христа Бога нашего. Вложи же в кошницу и смоквей мало сушеных, и фиников, и мало сочива мочена в воде, и иде в вечер zelo поздн, и сѣде на брѣзе Иорданове ждый преподобныя. Медлящей же святей, Зосіма не воздремася, но неуклонно зряше в пустыню, ожидая видети усердно желаемое. Глаголаше же в себе старец, сѣдя: еда како недостойнство мое возбраніи приити ей, илии пришедши и не обрѣтши мя возвратися? Сіце же помышляя, воздохну и прослезися, и очи на небо возвед Бога моляше, глаголя: не лишіи мене, Владыко, и паки да вижду лице то, еже видети сподобил мя еси, да не отиду тощ, нося моя грехи на обличіе мое. Сіце со слезами помолівся, во иноу помышление прейде, глаголя в себе: что убо будет, аще и приидет, а корабля несть? Како Иордан прейдет, и ко мне приидет, недостойному? Увы моему недостойнству! Увы мне, кто мя такового добра лишитися сотвори! Тако помышляюще старцу, се преподобная прииде, и на оной стране реки ста, отнюдуже идяше. Зосіма же воста, радуясь и веселясь и славя Бога. Но еще с помыслом боряшеся, яко не может та преити Иордана, и виде ю знаменіем крестным Иордан знаменовавшую, [всю бо ночь тогда луна сияше, и купно с тем знаменіем взиде святая на воду, и ходящи верху воды к нему грядяше. Он же хотѣ поклонитися ей, но та возбраніи ему еще по воде шествующи, глаголя: что твориши авво, священник сый, и нося Божественныя Тайны? Он же послуша глаголющая, яже сошедши с воды, рече к старцу: благослови отче, благослови. Он же к ней отвещаваа с трепетом, [ужас бо его объа от предивнаго видения] рече: воистинну Бог неложен есть, обещаый уподобити себе тех, иже себе по силе своей очищают. Слава Тебе, Христѣ Боже наш, показавый мне рабѣ Твоею сею, колико отстою от меры совершения. Сие рекшаго моли она глаголати Символ святых веры: Верую во единого Бога: и молитву Господню: Отче наш, Иже еси на небесех: и скончанней бывшей молитве, причастися святая Пречистых и Животворящих Христовых Таин, и по обычаю целова старца. Таже на небо рuce воздѣвши воздохну, прослезися, и возопи: Ныне отпускаеши рабу Твою, Владыко, по глаголу Твоему с миром, яко видеста очи мои спасение Твое. И глагола к старцу: прости, авво Зосімо, еще же и другое мое желание исполни: иди ныне в монастырь твой, Божиим миром хранимь, в грядущее же лето прииди паки во оный же поток, идеже ти первее собесѣдовах, прииди убо, прииди Господа ради, и паки узриши мя, якоже хощет Господь. Он же к ней отвеща: хотѣл бы, аще бы мощно было, в след тебе ходити, и зрѣти честное твоѣ лице. Молю же, сотвори единое просимое у тебе мноу старцем: вкуси мало от пищи, юже принесох сѣмо. И сие рек, показав ей, еже имѣ принесенное в кошнице. Она же перстов краями сочива коснувшись, и три зерна взѣмши, во своя принесѣ уста, и рече: довлѣет сие благодати духовней, хранящей естество души нескверненное. И паки рече к старцу: моли Господа о мне, отче мой, моли, поминаа всегда мое окаянство. Он же поклонися пред ногами ея, и прошае ю, да молится к Богу о цѣркви и о царех и о нем. Сие же испросив со слезами, остави ю отити, сам стѣня и рыдая, не смѣяше бо надолзе ю держати, но аще бы и хотѣл, неудержима бе. Она же паки Иордан знаменоваши, прейде той верху воды, якоже и прежде. Старец же возвратися, радостію и страхом многим содержимый, укоряя себе и жалѣя, яко имене преподобныя не увѣда, обаче уповае сие получитьи во грядущее лето. Лѣту же мимошедшу, поиде Зосіма паки в пустыню, вся исполнивши по обычаю, и тѣчаше ко оному предивному видению. Прешед же пустынную долготу, и

достѣг нѣких знаменій, показующих иско́мое мѣсто, озира́ше десна́я и шу́яя, и всю́ду смотря́ше очѣма, а́ки ловѣц нѣкій иску́снейший, где бы угодный получи́л лов. Егда́ же ни отку́ду что дви́жущееся тако́ ви́де, нача́ себѣ облива́ти слеза́ми, и возвед на нѣбо́ о́чи, моля́шеся Бо́гу, глаго́ля: покажи́ ми, Го́споди, сокрови́ще Твое́ некра́домое, е́же в пусты́ни сей скры́л еси́, покажи́ мне (молю́ся) во плоти́ а́нгела, ему́же соравни́тися несть досто́ин весь мир. Си́це моля́щися, дости́же мѣста, е́же пото́к знаменоваше, и став на край тогó, ви́де на странѣ́ сущей к восто́ку преподо́бную лежа́щую ме́ртву, ру́це, я́коже достоя́ше, согбе́нны, и лице́ на востокъ обра́щенно иму́щую, к нѣйже прите́к, но́зе блаже́нныя слеза́ми свои́ми умыва́ше, ни кото́рой бо ино́й ча́сти те́ла дерзну́л косну́тися. Пла́кав же мно́го, и псалмы́ прили́чныя вре́мени то́я потре́бы изрѣ́к, сотвори́ моли́тву погребѣ́ния, и рече́ к себѣ: погребсти́ ли ѣ́мам преподо́бныя те́ло, еда́ ли неуго́дно блаже́нней сие́ бу́детъ? И сѣ́я в мы́сли своѣ́й глаго́ля, ви́де при главѣ́ ея́ изображе́нное писа́ние на землѣ́ сие́: погребѣ́и, а́вво Зосѣ́мо, на сем мѣ́сте смире́нныя Ма́рии те́ло, отда́ждь персть пе́рсти, моли́ же Го́спода за мя преста́вльшуюся ме́сяца Фарму́фия Егѣ́петски, Ри́мски же Апри́ллиа в 1 день, в са́мую но́щь спаси́тельныя Христóвы Стра́сти, по прича́щеніи Божѣ́ственныя Та́йныя Ве́чери. Сие́ написа́ние проче́т ста́рец, пе́рвее помышля́ше, кто е́сть писа́вый? Она́ бо, я́коже рече́, не ве́даше писа́ния: о́баче возра́довася зело́, я́ко ѣ́мя преподо́бныя уве́да. Позна́ же, я́ко егда́ преподо́бная Божѣ́ственных Та́ин при Иорда́не причастѣ́ся, а́бие на мѣ́сте том бы́сть, иде́же тогда и преста́вися, и а́може он ше́ствова путь, два́дцать дней трудя́ся, та́мо во еди́н час Ма́риа пре́йде, и а́бие к Бо́гу отѣ́де. Сла́вя же Бо́га ста́рец, и слеза́ми омоча́я зе́млю и те́ло преподо́бныя, и рече́ к себѣ: вре́мя е́сть, о ста́рче Зосѣ́мо! Повеле́нное тебѣ́ соверши́ти, но ка́ко сотвори́ши, ока́янне, ископа́ние, в рука́х ничесóже имѣ́я? И сие́ рек, ви́де не далѣ́че дре́вце ма́лое повер́женное в пусты́ни, е́же взем, нача́ им копа́ти, суха́ же сущи́ земля, ника́коже послу́шаше тружда́ющагося ста́рца, ѣ́же копа́ше по́том облива́емъ, но ничто́же успѣ́ти можа́ше. Воздохну́в же зело́ из глубины́ ду́ха, ви́де льва вели́ка те́лу преподо́бныя Ма́рии предсто́яща, и но́зе ея́ ли́жуща, егóже узрѣ́в, трѣ́петен бы́сть, убоя́ся зве́ря, па́че же воспомина́ув блаже́нною рече́нное, я́ко никогда́же зве́рей ви́де, знамена́вся же крѣ́стным зна́мением, ве́рова, я́ко невре́дно бу́дет сохранѣ́н сѣ́лою лежа́щия. Лев же нача́ приближа́тися тѣ́хо к ста́рцу, ласка́яся помава́нми, а́ки целу́я. Зосѣ́ма же рече́ ко льву: понѣ́же, о зве́рю! вели́кая сѣ́я повеле́ мне погребсти́ ея́ те́ло, аз же стар есмь, и не могу́ ископа́ти грóба, ниже́ бо ѣ́мам ору́дия к копа́нию потре́бнаго, и в толи́ком разстоя́нии от оби́тели не могу́ ско́ро возврати́тися, и принести́ е́, сотвори́ у́бо ты копа́ние ного́тьми тво́ими, да отдамъ землѣ́ преподо́бныя те́ло. И а́бие глаго́л сей слы́шав лев, ископа́ предни́ми ного́ми ров, е́лико дово́льно бе покрýти погребáемое. Па́ки у́бо ста́рец преподо́бныя но́зе слеза́ми омы́в, и мно́го моли́вся ей за вся моли́тися, покрý те́ло ея́ земле́ю на́го сущее, и ничто́же ѣ́но имѣ́ющее, то́чию о́ную оде́жду вѣ́хую раздра́нную, повер́женную испѣ́рва от Зосѣ́мы, е́юже Ма́риа покрý тогда́ нѣ́кия своегó те́ла ча́сти. Та́же отидо́ша о́ба, лев во вну́треннюю пусты́ню, я́ко овча́ тѣ́хо отлучѣ́ся, Зосѣ́ма же во сво́я возвратѣ́ся, благословя́ и хваля́ Христá Бо́га на́шего. И прише́д в монасты́рь, всем мона́хом пове́да о преподо́бней сей Ма́рии, ничто́же скрыв, е́же ви́де, и е́же слы́ша от не́я, я́ко всем слы́шащим вели́чия Бо́жия удивѣ́тися, со стра́хом же, ве́рою и любóвию твори́ти па́мять, и почита́ти день преста́вленія преподо́бныя се́я Ма́рии. Иоáнн же игу́мен обре́те нѣ́кия в монасты́рѣ тре́бующія исправле́ния, по словеси́ преподо́бныя, и сѣ́я по́мощию Бо́жиею испра́ви. Зосѣ́ма же пожѣ́вши Богоу́годно, близ ста лет сый, сконча́ в том монасты́рѣ жизнь вре́менную, и отѣ́де на вѣ́чную ко Го́споду. И оста́виша мона́си тогó монасты́ря нена́писанное та́мо сие́ о преподо́бней Ма́рии сей сло́во, но по восприима́нию еди́ни от други́х глаго́люще, и во о́бщую

предлагающе пользу повесть слышащим, писанием же то предано дотóле не слышася. Аз же (глаголет Софроний святый) е́же ненаписанное приях, писанною повестью изъявих. Аще же инии жити́е сея преподобныя списаша, лучше ве́дуще, то не у́ в моё ве́дение при́иде, о́баче и аз коли́ко возмого́х, но си́ле моёй написа́х, ничто́же па́че и́стинныя по́вести предпоче́т. Бог же предивная творя́й чудеса́, и вели́кими возда́й дарова́нии с ве́рою к нему́ прибега́ющим, да даст мзду приобрета́ющим пользу́ от сея по́вести, чту́щим си́е и слыша́щим, и потща́вшемуся преда́ти повесть сию́ написа́нием, и да сподо́бит их благия́ ча́сти Мари́и сея блаже́нныя со все́ми, Богомы́слием и труда́ми благоугоди́вшими ему́ от ве́ка. Дадим же и мы сла́ву Бо́гу, Царю́ ве́чному, да и нас сподо́бит ми́лость обрести́ в день Су́дный о Христé Иису́се, Го́споде на́шем, Ему́же подоба́ет вся́кая сла́ва, честь и держа́ва, и поклонéние, со Отце́м и Пресвяты́м и Животворя́щим Ду́хом, ны́не и прі́сно, и во ве́ки веко́в, ами́нь.